

... **З**автра утром я буду на месте. Поезд мчится в ночь, а я смотрю из окна вагона: леса, леса, леса... Это красиво, особенно когда настроение природы и твое — абсолютно совпадают. Сейчас середина октября, самая роскошь, последняя «цыганочка с выходом».

Я всегда подозревал, что природа неспроста так красочно прощается с теплом: ей надо, чтобы в конце случился праздник! Пусть отзвучит последний вальс, пусть под него власть натапцуются листья. Будет что вспомнить!

Я люблю и одновременно не люблю эти дни, ведь именно в эту пору она уехала навсегда; именно в октябре она и умерла потом, причем — в свой день рождения. И, значит, еду я в очередной раз, чтобы сказать ей: «Я помню этот день. Я помню тебя. Я люблю тебя, мама!».

Еду я всегда один: супруга не рвется, а я и не настаиваю (они с мамой не были знакомы); сын — двадцатилетний умник — тоже никогда в жизни не видел свою бабушку. Зачем же лгать?.. Да и помешают они мне.

Нет, я хочу сам. Я свято соблюдаю этот ритуал последние десять лет. Юбилей нынче, так сказать. Впрочем, в этот год — сплошные юбилеи, почти на грани мистики: мне стукнуло пятьдесят, жене Кате — сорок, а про сына я уже сказал: тоже круглой датой отметился.

А маме исполнилось бы восемьдесят... Но ее нет уже ровно десять лет. Тоже юбилей, будь он проклят.

Между мной и мамой — тридцать лет разницы, и между моим сыном и мной — столько же. Я думаю, что это не случайно. И вообще, ничего в жизни случайного нет. Значит, возможно, мне предстоит пережить и перетерпеть боль, подобную ее боли, от «счастья» быть моей матерью.

А я очень, очень хочу этого избежать. Поэтому и езжу «на могилку» за тридцать земель, вымаливаю себе индульгенцию. Не хочу я так...

Прости меня, мама!..

Я твой единственный ребенок. Ты набралась смелости в тридцать лет, и моя бабушка тебя поддержала.

— Дусенька, поговорят и перестанут, а ребенок женщине нужен! — твердила она как «отче наш».

Странно. Обычно бывает наоборот! Мать «грешницы» охает и ахает, и за сердце хватается, и скорую просит. В ход идет все: и «что люди скажут», и «как без отца

ребенка поднимать», и «позор на мою голову на старости лет». А тут — бабушка оказалась более продвинутой и бесстрашной, чем моя бедная мама.

Дедушка — тот просто не вмешивался. Делайте, как знаете. Но однажды решительно нацепил все свои награды (кстати, полная грудь; и все боевые, а не просто «к датам») да и пошел в обком партии. Зачем? А на зятя несостоявшегося пожаловаться.

Правильно сделал. Если бы дочка партии загуляла и «попалась», то ладно. А так ведь — что?! Жил красавец с ними в одной квартире почти год как свой; уверены были, что вот-вот распишутся. А он — вот тебе здарсьте — как про прибавление узнал, словно ветром сдуло, да преподло так сделал! Якобы утром в командировку уехал, а на самом деле — смылся. Потом только поняли.

Так что ответить надо — некрасиво, мужик!

Дед ходил — папаша мой из партии пробкой вылетел. Ну и все, в расчете; просьба звонками и письмами не беспокоить. Мама мне и отчество записала другое, под имя дедушки.

Потом про папочку до нас доходил слухи-сплетни, но обсуждать их у нас в доме было не принято. А однажды мы узнали: умер. То ли сердце прихватило, то ли перебрал, — непонятно. Да он для нас давно умер, никто и «царство небесное» не обронил. Бабушка только назидательно подытожила:

— Вот оно как!

Мне в то время было лет пять, что ли. Но я запомнил.

Когда я пошел в школу, мама (она работала учителем) взяла меня к себе в класс. Вот так и получилось, что учительница первая моя, Евдокия Анатольевна, — это и есть родная моя мама.

Вот с этого момента, как говорится, подробнее.

Я много лет перебираю события, мама, именно с этого первого школьного года. Да-да, тогда все и началось...

За тобой начал активно ухаживать учитель географии, Константин Ильич. «Дядя Костя». Вы поженились, и он позвал тебя переехать в новый южный город, обслуживающий далекую АЭС. Там и платили лучше, и жилье давали сразу, и вообще... Константина Ильича приглашали туда директором школы. Ну и поехали, чего отказываться.

Устроились, действительно, хорошо, и в школу мы с мамой опять пошли в один класс, а дядя Костя занял свой пост. Я с ним быстро подружился, добровольно стал звать папой. Мы почему-то были похожи, и все думали, что родные, да и Константин Ильич сразу меня официально усыновил, и стал я «Константинович».

Дедушка с бабушкой оказались далеко (а родители отчима — вообще давно умерли), так что видеться со своими выпадало редко. Может, раз в год, а то и в два. Письма, звонки, — и это все.

Поэтому особого влияния на жизнь нашей семьи никто не оказывал. Мама считала, что устроилась благополучно (так по телефону и докладывала каждый раз), а отчим начал «делать из меня мужика».

Этот процесс заключался в том, что я должен был «с молодых ногтей» учиться вести себя по-мужски, то есть уверенно и по-хозяйски. Я любил маму, но стать настоящим мужиком — считал задачей номер один.

Константин Ильич требовал от мамы беспрекословного подчинения, а я любовался и подражал ему. Мне доставляло неизъяснимое удовольствие видеть, как мама угождает нам, как обхаживает обоих. Как, например, прислуживает нам за столом, пока мы, гордо восседая, «принимаем пищу».

Все должно быть вовремя! И мама умудрялась так подать, что ничего не бывало слишком горячим или холодным, что чай наливался ровно в ту секунду, когда

оставлялась пустая тарелка. Мама же никогда не садилась с нами, а ела «потом», когда мы, удовлетворенно икнув, покидали наконец кухню. И я считал это нормальным. Мама ведь улыбается? — значит, ей хорошо.

Она любила меня. Радовалась, что дала мне папу, что никто не скажет: безотцовщина растет. Мама умудрялась везде успевать, и как-то ловко у нее все получалось — что в школе, что дома.

А вот отчим — тот быстро скис в роли директора школы, все чаще длинно жаловался вечерами:

— Дуся, да не то это, не то!!! Ни уму, ни сердцу, ни карману!

Мама кивала:

— Костя, так не мучайся. Зачем?.. Ну не можешь — не надо, кто же заставляет?

Кончилось тем, что Константин Ильич нашел «блатное» местечко и перешел в сферу снабжения. И сразу, как он считал, выиграл. Да и в отделе образования не тужили: отчим оказался «никаким» директором. Ушел и ушел, назначили другого. Школе ни холодно, ни жарко.

А отчим — как возродился, даже расцвел. Распрявился! И говорил, что очень вовремя вырвался «из этого болота». И если раньше он относился к маминим частым проверкам тетрадей на дому с пониманием и сочувствием, то теперь как будто напрочь забыл, что такое школа.

— Евдокия! — внушал он ей без устали. — Оставляй работу на работе, поняла?! Но вот я же, например, не волоку свои бумаги в дом, а у меня их ох как немало, между прочим! С твоими не сравнить!

Мама и до этого всегда была мягкая и уступчивая, а теперь ей казалось, что она просто обязана (ради домашнего очага, а как же!) беспрекословно выполнять все, что велит муж.

Отчим стал получать больше денег, чем немало гордился. Но почему-то прямо на глазах становился настоящим скрягой. Появились у него и так называемые «левые» доходы. Константин Ильич на новой работе сразу уловил все тонкости и приметил все «дыры», поэтому, тратя лишь небольшие усилия, мог спокойно положить себе в карман чуть ли не вдвое больше того, что получал по законной ведомости.

В нашем городе было очень хорошо налажено буквально все, и если в целом по стране наблюдался дефицит то мебели, то бытовой техники, то еще чего-нибудь, — наши магазины можно было назвать раем. А еще — таким «ценным работникам», как Константин Ильич, был открыт доступ и в так называемые распределители. Попадая туда, вообще начинали верить в коммунизм наяву.

Мы быстро обросли всем, о чем другие могли только грезить, но отчиму все время казалось, что этого мало. Теперь все его разговоры упорно сводились к тому, что у кого-то есть нечто, чего нет у нас. Или это чужое — лучше нашего, что вообще катастрофа. Лучше — значит, моднее, современнее!!! И это буквально лишало его и сна, и покоя.

Когда я перешел в пятый класс, маме пришлось оставить школу:

— Евдокия, хватит! Артур подрос, уже не под твоим крылышком, у него теперь разные учителя. Так что давай-ка, милая, выбивайся в люди, наконец.

«Выбиваться в люди» Константин Ильич предлагал на овощной базе: он договорился, что маму возьмут на приличную должность. И там, конечно, есть надежные пути и тропочки, по которым носят деньги «мимо кассы», но в семью.

Мама вынуждена была уступить, и вскоре у нас дома (на зависть всем моим приятелям) было полным-полно всяких фруктово-овощных изысков. Все самое отборное, дефицитное и приятно дорогое.

На горизонте маячила покупка «Жигулей».

Интересно, вот говорят, что обстоятельства меняют человека? Не всякого, скажу я вам. Мою маму, например, ничто не могло изменить. Она перешла в другое место, но не в другое состояние. Меня это ставило в тупик: почему?! Если повысилось благосостояние, то должна взлететь и самооценка, а как же иначе?..

— Сынок, нельзя гордиться перед людьми. Мы все одинаковые. Никто не лучше и не хуже кого-то, каждый — один такой на свете, запомни. Уважай всех.

...Вот правильно отчим про нее говорит: мать-игуменья. Точно! Меня тоже раздражала ее бесконечная мягкая уступчивость, покладистость. Надо вести себя соответственно своему положению в обществе, это же как дважды два! А она...

Вот, например, поставили нам телефон, одним из первых в доме. Потому что не бывало, чтобы Константин Ильич не добивался чего хочет! — значит, нам раньше всех. И, конечно, к кому стали бегать звонить? К нам. Отчиму это не нравилось, но все-таки возвышало над остальными, а это чувство приятное.

Постепенно телефоны появились и у других, но далеко не у всех. И бывало, нам звонили, чтобы мы позвали к трубке кого-то из соседей. Но отчим это быстро пресек: «Я не мальчик на побегушках и не швейцар!» Решил пресечь такие просьбы и я: и правда, ни к чему такое панибратство.

Дело в том, что моя одноклассница, Ирка Кроликова, дружила с Танькой из квартиры, которая была рядом с нашей, на одной площадке. Прямо не разлей-вода они были! А я-то тут при чем, скажите?! Почему это Ирка думает, что я буду кого-то там звать?!!

— Артур, пожалуйста! Очень нужно!!!! Позови Таню! Это важно, прошу!!

— И не подумаю! — я бросил трубку.

А мама как раз дома была:

— Сынок, я ушам своим не верю! Ты ли это?.. Ты же хороший, добрый мальчик, разве тебе трудно?

И представьте: сама набрала Иркин номер, извинилась перед ней и сходила за Танькой!! Вот правильно отчим ее ругает, зачем эта благотворительность?!

Так, мало того, она же еще и пообещала Ирке, что не я, а она сама будет звать; так что можно звонить и звонить!

— Ирочка, мне говори. Я всегда позову.

Отец называл такие номера достаточно емко: «Вытягивать колючку из чужого зада». Вот именно! Каждый — сам за себя должен быть.

Но мама упрямо думала и поступала иначе, несмотря на наши с папой вполне резонные замечания:

— Я не могу и не буду относиться к людям плохо! — таков был ее ответ раз и навсегда.

И что, много она добра от чужих видела? Да ничего подобного, что и требовалось доказать.

А однажды мы заставили ее перед нами извиниться. Случай такой: Константин Ильич сильно повздорил с одним деятелем из нашего двора и, конечно, запомнил обиду. А тут доченька его к нашей мамочке пришла «за советом». Да взрослая дылда уже, училась на третьем курсе пединститута. Приперлась, помощь ей потребовалась, видите ли!

Мама с ней весь вечер провозилась, даже откопала свои конспекты: диктовала что-то оттуда. А когда студенточка наконец ушла — папа и поставил вопрос ребром: зачем помогла? Почему сразу не указала на дверь?! По-че-му??????? Я поддержал.

— Извинись за свое поведение! — велел Константин Ильич. — Тебе перед сыном не стыдно?! Принимать у себя дочь врага!!!

Мама посмотрела на нас странным взглядом и сказала почти спокойно:

— Извините.

Но, видно, это ей ума не прибавило. Толку — ноль...

Я только потом понял это спокойствие, его скрытый смысл. ПОТОМ. А тогда — упивался нашей общей мужской силой и правотой!

Мама с того дня как-то неуловимо изменилась, отчим ничего и не увидел, а я почувствовал сразу. Вот только не смог бы выразить этого словами. И, если бы спросили, что с ней случилось, то ответил бы: «Ничего».

Сейчас я могу объяснить: она решила спрятать свое «я» так глубоко, чтобы никто из нас не мог его обнаружить. Спрятать, но не поменять. Она как бы поставила между собой и нами ширму: легкую, практически невесомую, но непрозрачную. А мы ее даже не заметили...

...Она еще пыталась пробиться ко мне, и не раз. Я так понимаю, что отчима (в отличие от меня...) она решила воспринимать в качестве эдакого креста, который — хочешь или нет — а надо теперь нести. Если сыну живется хорошо, то, значит, все правильно. Все так и надо.

Так же считал и я. А отчим — тот вообще перестал заморачиваться насчет чьей-то тонкой душевной организации, все его мысли теперь свелись лишь к подсчету и приумножению наших доходов. Он был по-настоящему счастлив лишь тогда, когда планировал что-то «достать», «оторвать» или «выгрызть».

Появились «Жигули» — и он немного попричих, поскучнел, но совсем ненадолго. Не замедлила возникнуть новая мечта: мужские золотые украшения. В перспективе сиял красивый массивный перстень (или, как он говорил, «печатка»). Вещь являлась ему в снах, проникала во все разговоры, к месту и не к месту.

А о чем обычно говорила мама? Ни о чем. То есть вообще ни о чем!!! Отчим не замечал, конечно... То есть она не онемела, вела себя ровно, впадал отвечала на вопросы, но я обнаружил: мама выдавала «на гора» только самый необходимый минимум, без которого не получится обойтись. Минимум минимальный! Меньше и короче — уже некуда.

Я начал подозревать, что она и улыбается чисто на автомате, дозированно: ни одного лишнего миллиметра уголкам дежурной улыбки! Такой вот странный лимит вежливости...

И только временами — причем все реже, реже, реже — прорывалось из нее заветное «Послушай, сынок!..» А сынок, то есть я, слушать вообще не собирался. Я обростал тяжелой броней самолюбования, переходящего в болезнь. И все робкие попытки мамы достучаться до меня были похожи на отчаянные усилия замурованного заживо; на последнюю надежду — хотя бы слабым звуком обозначить свое бесконечное отчаяние для тех, кто существует по ту сторону равнодушной стены...

Время бежало быстро. У нас все было тихо-мирно, мама по-прежнему трудилась на том же месте и по-прежнему жила ровно и отстраненно. Я неплохо закончил школу (из принципа и чувства самоуважения: я — не хуже иных!), поступил в строительный институт, филиал которого как раз открылся в нашем городе.

Мечты отчима все так же не иссякали, он был всегда активно занят ими. И ему было интересно жить! Мама в этих мечтах участия не принимала, она лишь молча сдавала ему на руки всю зарплату до копейки, оставляя «на хозяйство» давно выверенную сумму.

Она как будто замерла, осталась в давно прошедшем дне, и с тех пор не продвинулась во времени ни на минуту. Конечно, годы работали над ней так же, как и над всеми, но мама не обращала на это внимания. Она даже одежду практически не меняла, покупала лишь в случае самой крайней необходимости.

Единственный случай, когда она ожила и очнулась, был такой: Константин Ильич воспылал страстью к книгам. Точнее, к книгоприобретению. Кстати, он

иногда и читал, интеллигентный ведь человек. Но тут дело было снова в престиже. Стало вдруг модной необходимостью обзаведение навесными книжными полками. При этом старались их забить до отказа дефицитными собраниями сочинений.

И снова потекли бесконечные разговоры: о серии ЖЗЛ, о многотомнике Бальзака, о Большой советской энциклопедии, подписаться на которую вообще считалось высшим шиком.

Константин Ильич с головой окунулся в новые ощущения. И это был тот единственный раз, когда мечта отчима увлекла и маму. Именно тогда она стала улыбаться и шутить по-настоящему, а не показательно. Именно тогда она поменяла внешний облик, заметно помолодела и подтянулась.

Но... Все, как обычно, случилось и получилось: плотно заполнились красивые полки (сделанные по особому заказу и эскизам самого Константина Ильича!), и отчим, как обычно, опять впал в короткую нервическую горячку, пока у него вызревала новая мечта.

И мама — опять «выключилась». Она стала еще немногословнее, но зато начала гораздо больше читать, хотя и до этого любила чтение. Благо, столько книг перед глазами: только руку протяни! Отчим же ограничивался тем, что время от времени кое-что перелистывал. О, теперь впереди у него засверкал сервиз «Мадонна»! И чем тяжелее было его достать, тем больший азарт вызывала вещь у Константина Ильича.

Я к тому времени стал второкурсником, учился прилично. Встречался с девушкой из состоятельной семьи (отец познакомил через «своих»). В общем, я чувствовал себя избранныком судьбы в самом лучшем смысле слова.

Как нелепо люди обычно выражаются: «Неожиданно пришла страшная весть»! Как будто такая весть вообще кем-то ожидается или бывает запланированной....

Так вот, и тут к нам неожиданно пришла страшная весть: дедушка с бабушкой погибли в аварии. Автобус, в котором они ехали, был разнесен в клочья пассажирским поездом... Обычная, стандартная для нашей родной реальности история: водитель думал, что проскочит, сколько там того переезда! А не вышло! И спросить не с кого: виновник тоже погиб на месте.

Мы получили телеграмму от наших бывших соседей. Мама пережила известие очень тяжело, а мы с отцом — достойно, как мужчины. Философски даже. Ну что ж, все там будем, и, если разобраться, им выпала хорошая смерть. Раз — и все! Не лежали, не болели, не ходили под себя, не выживали из ума. Да и пожили, слава Богу, немало. Не молодыми погибли.

В общем, на похороны поехала только одна мама: я как раз сдавал очередную сессию, а у отчима было несколько неотложных встреч, иначе вождеденная «Мадонна» могла улплыть в другие руки. Жди потом!..

Мама вернулась через три недели: документы, туда-сюда... На оформление наследства — тоже свои сроки и правила, их никто не отменял. Приехала уставшая, как дотла выгоревшая изнутри. Но она уже не плакала: видно, все слезы оставила там. Она ничего не рассказывала, а мы и не спрашивали. Зачем?

Обмолвилась только, что потом надо съездить еще раз и все документы уже получить. Так положено. Теперь квартира родителей переходила ей. Правильно, не государству же отдавать.

Второй раз мама съездила быстрее, но вернулась опять другая. Непонятная вообще. Как она успевала так меняться?.. Вот отчим и спросил, а она выдала:

— Я, Костя, давно изменилась. Только тебе было плевать. А теперь сын совсем взрослый, во мне не нуждается, он поймет. Расстаться нам надо, Костя.

Так она заявила — а дальше все было как во сне. На разводе настояла, с работы рассчиталась. Все свои вещи уложила (они уместились в одном большом чемодане) и сказала, что уезжает ДОМОЙ. На имущество не претендует...

— А жить на что будешь, а? — злился отчим. — Так, как я тебя пристроил, никто не сможет. И никто не поможет, не посоветует! Ты же тютя тютей!!!

— Я в школу возвращаюсь, уже договорилась, — спокойно ответила мама. — Правда, перерыв был большой, но я думаю, что справлюсь. Зато работа любимая.

— Ой-ой-ой! Посмотрите, полюбуйтеесь!! Работа у нее любимая! Скажи лучше, что другого мужчину нашла, врать-то зачем?!!

— Нашла, не скрываю, — припечатала мама.

И больше ничего говорить не стала, как отрезала. Хоть отец после такой выходки как с цепи сорвался. «Дура», «стерва», «сука» — это были самые легкие его определения.

— Сынок! Мне надо ехать... — она смотрела на меня, и губы ее дрожали. — Послушай, родной!..

А что, что я должен был слушать?!! В чем неправ Константин Ильич?! Да он за все годы их совместной жизни ни на одну женщину не посмотрел! Не то что другие!!! И хозяин он прекрасный! Все в дом, только в семью! Что он плохо купил, а? Жила мамочка, как сыр в масле каталась, ни забот, ни проблем! Пусть катится тогда, если ей романтики захотелось!!! Гулена перезрелая!

Вот примерно в таком духе я ей тогда и ответил.

У нее задрожали губы:

— Сынок, ты-то меня за что так?.. Разве я не имею право пожить по-своему?

— Да вали и живи королевой, я не мешаю!!! — проорал я и хлопнул дверью. Пусть подумает хорошенько, на что покушается, что вытворять!!!!

...Когда я вернулся, мама уже уехала...

— Скатертью дорога! — выкрикнул отец. — Я не хочу больше о ней говорить! Да мы и вправду не говорили больше о ней ничего. А точнее, ничего хорошего.

А она?.. Она начала писать мне письма. Сначала я читал, потом надоело. Одно и то же, одно и то же! И ни слова об отчине или для него. Неблагодарная.

Все ее писания сводились к одному: сынок, пойми-прости-ответь, не отказывайся от меня. Даже челюсти сводило от скуки.

И я решил ответить раз и навсегда. Я честно написал, что она меня своими посланиями допекла; что ни любить, ни уважать, а тем более понять ее я не в состоянии. Да и желания нет. Настойчиво попросил, чтобы она наконец исчезла из моей жизни и не тратила времени. Ни своего, ни моего! Я предупредил: больше ни один ее опус я читать не буду. Не намерен, устал!

Написал — и отправил.

До нее, видно, не дошел весь окончательный смысл, потому что в ответ опять прилетело письмо, но не простое, а заказное, да еще и толстенное! Чуть ли не бандероль. Я представил, какие там вопли и слезы в геометрической прогрессии. Поэтому поступил решительно и просто: письмо немедленно отправилось обратно, но с пометкой «Не вручено по причине отказа адресата в получении».

...Это только сейчас я представляю, какую боль принес ей тогда, какую адскую муку!.. Прости, прости меня, мама!!!

Писем с тех пор больше не было, но один раз в году — на мой день рождения — приходила открытка без текста. Был только адрес и мое имя как получателя. Стандартная поздравительная открытка, с цветами и печатной надписью «Поздравляю!». Я знал, что это от мамы. От кого же еще?

Как же меня это раздражало! Зачем это все, что ей еще надо?!

Отчим между тем сошелся с одной женщиной, и она переехала к нам. Но надолго не задержалась, и месяца не прошло. Тоже вещи собрала, а напоследок заявила:

— Знаешь, Константин, я вот раньше удивлялась, что жена от тебя ушла. А теперь я поражаюсь, как она с тобой вообще жила!!

Странная. Что ей отец плохого сделал? Но мне-то что, пришла-ушла, это меня не касается. Обойдемся сами, хоть и неудобно без женщины в доме. Бабскую работу приходится делать.

Отчим больше никого и не заводил. То есть не приглашал к нам жить. Так-то женщины у него были, это нормально. К тому же, он быстро утешился новой мечтой!

Теперь его бесконечно занимала идея переезда на ПМЖ в другую, достойную страну, а конкретно — в Израиль. Что, мол, только там и может жить нормальный, цивилизованный человек; что там — самый лучший климат, интереснейшая история и так далее. И все-все-все там прекрасно!

Хорошо зная своего отчима, я понимал: задумал — сделает, дело времени. И я, конечно, не ошибся. Не прошло и трех лет от первой мысли о земле обетованной — и вот, пожалуйста, Константин Ильич познакомился с еврейкой, которая собиралась «выехать», и тут же женился на ней, опять восхитив меня практичностью и умом. Не человек, а ракета! Вот пусть моя мамочка локти там себе кусает (а я был просто уверен, что она именно так и делает!), а Константин Ильич сумел от жизни взять все, что хотел. Успел ухватить главное! Жизнь дается один раз, и этот шанс надо использовать красиво.

Короче, отбыл отчим в свой распрекрасный Израиль, а меня оставил с квартирой, спасибо. Правда, он почти все из нее выгодно распродав, и это меня немного обидело. Но, поразмыслив, я понял, что он не так уж и неправ: все это наживал он, а не я. Хоть вообще-то — вместе с мамой; но ведь она сама ничего не взяла и не потребовала денежной компенсации. Ну и все!

Все-таки самое необходимое у меня осталось, и мы с Константином Ильичом расстались хорошо, сердечно даже. Он обещал обо мне не забывать, так что счастливого пути!

Мне исполнилось двадцать пять лет, пора было подумать и о женитьбе. А что? — молодой, перспективный, со своим жильем.

Уезжая, отчим сделал мне хороший подарок: устроил на свое место в отдел снабжения. Ничего, что я по диплому — инженер-строитель, дело не в этом. Вся суть — в умении хорошо пристроиться. К тому же, я уже провел некоторое время — «в поте лица»! — на стройке и сделал уверенный вывод, что эта работа не для меня.

Моя девушка (та, что была раньше) давно меня разлюбила. Мы разбежались. Я не расстраивался, потому что она мне поднадоела. Хотелось чего-то другого!

Я почти никогда не вспоминал о маме, хотя однажды мне показалось, что я ее видел. Но нет, откуда?.. Точно, показалось.

Я шел вечером с работы, а на углу нашего дома стояла женщина. Я подумал, что она похожа на маму, но не присматривался. Прошагал мимо, бросив мельком взгляд. Женщина была в темных очках, шапочку надвинула до бровей. Мне почудилось, что она сделала неуловимое движение в мою сторону, как будто хотела окликнуть, да осеклась.

...Нет-нет, не может быть. Так вести себя не будет взрослый человек. Я поднялся в квартиру, выглянул из окна кухни: стоит. Она стояла еще часа полтора, глядя на наши окна. Или не на наши?.. Потом женщина ушла.

Шевельнулось ли во мне что-то? Да, шевельнулось: это была досада. Теперь-то чего, что она может мне дать?! В ее любовь ко мне я не верил (иначе она тогда не уехала бы!). Ведь понимала, что создает мне сложности, ломает привычный порядок моей жизни! Быть с сыном рядом всегда, помогать ему — это святая материнская миссия, а она, вильнув хвостом, подалась в поисках «личного счастья»! Якобы в «поисках себя», тьфу!!! Это не мать, однозначно. Кукушка какая-то.

Что Константин Ильич, прекрасный муж, остался один — так это не он виноват. Да и к лучшему: вон как ему повезло! А она? — сына родного бросила. Это распоследнее дело.

Кстати! Я ей очень хорошо отомстил, хоть она и не была в курсе. Зато моя душа успокоилась от ощущения справедливости. А все просто: я знал о ней много такого, чего не знал отчим. Да ничего особенного, но просто время от времени она заводила со мной долгие, откровенные разговоры; она почему-то считала, что мы с ней — чуть ли не одно целое. Я эти «беседы» выносил с трудом и старался поскорее от них отделаться, но все же она мне открывалась до конца. Мысли ее, чувства и сомнения я знал, как свои. Но я считал, что это притворство: с одной стороны — закрытая наглухо, а с другой — открытая?! Так не бывает, дорогие.

Думаю, она просто хотела от меня ответных признаний, но не выходило. Дураков нет! Или, может, хотела показать мне, насколько я ей дорог и важен? Нашла глупее себя!..

А я все отлично запомнил и, когда она бросила нас, выложил это отчиму. Ничего криминального, но все же: например, маленькие финансовые тайны. Она иногда, потихоньку, совала мне сэкономленную «денежку» (ведь у отчима все было точно подсчитано, а я хотел иметь хоть что-нибудь для себя). Ну и прочая чепуха.

Когда я отчиму рассказал, сначала было неловкое ощущение, что я ее как бы продал. Но это прошло. А отчиму моя преданность понравилась:

— Вижу, что ты вырос честным парнем. Спасибо, сынок, угодил. Вот видишь, какая она подленькая была, скрытная!! Это еще ты наверняка и не все знаешь, а уж я — и подавно! Вот скажи, я хоть что-нибудь от нее скрывал? Ну, хоть что-нибудь?!!

Что правда, то правда. Константин Ильич всегда был весь как на ладони! И мне — по углам, потихоньку от нее, — ничего не нашептывал! «Душу» не открывал, а просто жил открыто. И, значит, я имел полное право все ему рассказать. И даже обязан был, вот что!

Отчим как уехал, так больше и не напоминал о себе. Ни разу не объявился, не позвонил, не написал. Да, в общем, и правильно. Может, его новой жене это было бы неприятно; может, они вообще своих детей заимели.

Я вот тоже заимею, когда женюсь. Но жениться — это не кило колбасы купить. Тут с умом надо. Я начал активно искать себе пару, но не торопился. Я жених достойный, в порядке, так искать надо было по себе.

Я не спеша составил список, что именно должно быть у моей будущей жены. Список делился на две половины: первая — материальная часть, вторая — моральная. Я хотел, чтобы девушка была из небогатой семьи (ведь не одному же мне потом ее содержать!), чтобы ее родители были не последними людьми.

А моральная сторона — это пусть жена будет рассудительная. Ну, допустимо немного с характером, чтобы могла за себя постоять и чтобы на голову не сядились всякие-разные, но это — вне дома. Со мной же — покорная и покладистая! И самое главное: она должна безукоризненно вести домашнее хозяйство, содержать все в порядке. Одним словом, следить за бытовой стороной жизни как настоящая супруга. Должна стараться. Короче, чтобы все было, как у нас дома, пока мама жила с нами и понимала свое место.

Но найти такую невесту оказалось почти невозможно. Если были обеспеченные родители — то дочка оказывалась избалованная и капризная, не привыкшая ухаживать даже за собой, а не то, что за кем-то еще; а если попадалась спокойная и покладистая — так жди другого подвоха: или голь перекатная, или просто хитрая, только хорошо притворяется.

Я видел каждую кандидатку насквозь и все больше разочаровывался. Это мама виновата, кто же еще?! Это из-за нее я перестал верить женщинам!!!! Тоже ведь — притворялась всю жизнь, корчила из себя праведницу!..

Я пытался подавить в себе эту проницательность, начинал встречаться то с одной, то с другой... И все, не мог долго: нет, опять не то, не то! Знакомился быстро и легко, а расставался — почти всегда с истериками или с неприятностями. Чего ж они все такие прилипчивые?!

Так промаялся я почти четыре года и почти убедился, что придется остаться холостяком. Но тут моя очередная девушка заявила, что беременна. Как так?! До сих пор я этого благополучно избегал. Да и, кстати, не с каждой до постели доходил. Некоторые ломались, а к иным я и сам вовремя остывал.

...Я совершенно растерялся, ведь уже собирался объявить этой возлюбленной, что мы друг другу не подходим, так как она оказалась с большими претензиями. А тут — вот тебе на, сюрприз...

Я попытался срочно «решить вопрос»:

— Катя, я дам деньги на аборт.

Но услышал в ответ, что так не пойдет, что она поставит в известность папу. Будет очень неприятно. Очень! Да... Про ее папу я был в курсе: крутой товарищ. Авторитетный и при деньгах-связях. Меня это, кстати, и привлекло в ней, когда нас познакомили.

— Давай лучше решать со свадьбой, Артур.

Вот так. Сама сделала предложение и вариантов не оставила. Я подумал, что, может, и правда, это к лучшему. Сама судьба вмешалась, что ли...

Я познакомился с Катиными родителями поближе, посватался. Они и не против были. Хоть и разница между нами — десять лет, они почему-то думали, что это даже лучше, я буду для нее заодно как опекун. А то, если Катя сейчас, молодая, не остепенится, то не остепенится никогда. Не знаю, им виднее... Они же ее растили, а не я.

То, что я живу один, было, по их понятиям, большим достоинством. Ведь Кате предстояло стать единственной хозяйкой в квартире, а это, как сказала теща, «плюс из плюсов». Вот она, дескать, «нахлабалась в свое время». К тому же, меня уверяли, что любимую дочь приданым не обидят. Да так оно, в общем-то, и вышло.

Свадьбу мы сыграли пышную, громкую. Правда, накануне Катька вымотала нервы всем нам то с платьем, то с кольцами, то с туфлями! Все никак было не угодить. Но утряслось. Да ладно, ведь она в положении, беременные всегда психуют.

Свадьба отгремела, и у нас, как у молодоженов, было по закону еще три свободных дня. И вот на второй день пришла телеграмма:

«Поздравляю законным браком желаю счастья любви благополучия мама».

Я оторопел: откуда знает?... Значит, отслеживает, интересуется, просит кого-то ее информировать. Зачем? Что за гнусность, что за навязчивость?! Что за подпольное бдение?! Телеграмму я порвал и выбросил, а молодой жене даже наругал, когда она спросила, что это принесли.

И вообще: вопрос моей мамы я закрыл для Кати раз и навсегда. Пусть будет довольна, что никто над душой не стоит. Считаю, повезло! И на этом хватит, никаких разговоров. Катя передернула плечиками и согласилась: нет так нет, не ее проблемы.

Так началась наша семейная жизнь. Потом родился Кирюшка: слабенький какой-то, хилый. Странно, Катя — крепкая, я тоже на здоровье никогда не жаловался. Что же сынок так подкачал?..

У жены совсем не было молока, пришлось малого вскармливать искусственно. Ох, и намучились мы, честно признаться, пока он немного подрос и окреп!.. Считай, год выбросили из жизни. Хорошо, что были у нас деньги. Мы ничего не пожалели, и в конце концов смогли вздохнуть с облегчением. Кирилл и ходить начал вовремя, и все прочее — как надо. По общепринятым нормам.

Вот тогда-то, в тот год, хоть и не сразу, но я отчетливо понял, что это значит: любить своего ребенка. Сначала, когда я увидел сына в первый раз — красненького, сморщенного!.. — в душе шевельнулось что-то непонятное — то ли изумление, то ли даже брезгливость.

Потом, спустя три месяца бесконечного младенческого ора и бессонных ночей, я почти ненавидел Кирюху! Ненавидел также и жену, и себя, и бутылочки со смесями, и разрывающуюся между всеми нами тещу, и соски, и пеленки, и даже здание детской поликлиники!

И лишь постепенно, когда сын впервые осознанно агукнул именно мне и потянулся обнять МЕНЯ, когда прижался своей сопливой сопаткой к моей щеке, когда... Впрочем, этот момент обозначить точно невозможно, но пришла ЛЮБОВЬ.

Даже не любовь, а что-то несравнимо большее: нежная ярость коршуна, готового выклевать глаз за своего голошеего птенца! Любовь-смирение, любовь-умиление, когда приводит в невыразимый восторг буквально все: ах, как малыш хорошо поел! Как симпатично спит! Как мило сидит на горшке!!! Не шучу я. Кто проходил, тот знает.

Итак, Кирюшка подрастал, Катя пошла на работу (тесть устроил ее к себе в штат). Вот кто бы мог подумать? — она оказалась хорошей женой и матерью.

Или, может, случай помог? И, не будь его, все сложилось бы по-иному?.. А получилось так: у Кати, едва только Кирюшка научился ползать, вдруг появились странные боли в низу живота. Такие боли, что врачи всерьез озаботились. Не буду рассказывать, что она (да и мы все!) пережили и передумали... А я — так вообще чуть не тронулся, честно: а вдруг умрет???? Но тесть подключил всех и вся, и Кате сделали операцию. Страшное ушло так же быстро, как и пришло, даже не верилось. Катя пошла на поправку, и все разом закончилось.

Вот после этого она и изменилась. Из капризной маменькиной доченьки стала обычной молодой женщиной с мудрыми не по возрасту глазами. Как подменили. Другая!

— Ты не смейся, Артур, — сказала она мне. — Верь не верь, а просто я ВИДЕЛА смерть. Вот как тебя, близко-близко. И она не страшная, нет, но только она — навсегда, понимаешь?.. Я буду теперь по-другому жить, раз она отступила.

Удивила!.. Но я понял. Темы моей мамы Катя по-прежнему не касалась, памятью мою давнюю реакцию. Но ее нечаянно коснулся мой сын.

— Баба Туся! Туся! — любил он лепетать, приветствуя тещу, Таисию Ивановну, которая во внуче души не чаяла. Даже на Катьку, любимую-прелюбимую дочку, могла так из-за него накричать, что ушам не поверишь. Не дай Бог, если что не так у ребенка!!!

Кирюшка почему-то вместо «баба Тася» твердил вот эту «Тусю». Наверное, ему так было легче произносить? И вот однажды вместо «Туся» он вдруг перешел на «баба Дуся», да так четко!

Таисия Ивановна ничего не заметила, пусть хоть мухой зовет, ей все сладко, что внучек скажет. А мне — как ножом по сердцу полоснули. Есть же у сына и «баба Дуся», есть! А я лишил ее внука...

Но я тут же отогнал от себя эту мысль. Захотела бы — приехала! Кто знает, может, и помирились бы... И тут совесть мне ехидно шепнула: «А чего б тебе самому не съездить?» Но с какого перепугу должен ехать я?! Это она тогда решила все бросить — вот пусть она и исправляет.

«А она пыталась!» — резонно заметила совесть. Но я, как обычно, благополучно ее заглушил.

Прости меня, мама!!!

Когда Кирюшка пошел в садик, время побежало еще быстрее. Жили мы хорошо, спокойно, и ничего особенного не случилось. Время от времени, конечно, бывали у нас и ссоры, но они сглаживались, и все возвращалось на круги своя. И лишь однажды мы с Катей поругались по-крупному, и именно из-за моей мамы...

Жена перебирала старые фотографии и наткнулась на одну. Как я ее не выбросил, ума не приложу. Я ведь давным-давно, как только мама уехала, все тщательно перебрал и уничтожил. Все-все, что с ней было связано; фотографии, конечно, в первую очередь.

На выброс — получилась полная картонная коробка, довольно большая. Туда полетели и мамины штучки из бисера, которые она очень любила делать. Эти вещи она забыла, когда уезжала? Нет, специально МНЕ оставила, я думаю. Они были выкинуты мной без разбора и сожаления. Туда же отправились все фото, на которых был замечен хотя бы кусочек маминого платья, не говоря уж о ней самой. Там же нашла место и старая тетрадь, в которую мама много лет назад записывала все мои «забавинки», все смешные и милые нелепости, которые я произносил в детстве. Тоже нарочно оставила, душу мне травить?! — в ведро!!!

Но это фото, которое нашла Катя, затесалось среди моих школьных снимков, потому и не попало тогда мне под руку: коллективное изображение нашего первого класса, с трогательной трафаретной надписью «Учительница первая моя». И там, конечно, в центре, красовалась мама, куда ж денешься.

...Я выдернул фотографию из рук жены и яростно рванул неподатливый картон.

— Ты что? — распахнула глаза Катька. — Она же тебя учила! Да и вообще... родила! Что б там между вами ни было, но это все как-то... странно, что ли!

— Что ты знаешь!!! — заорал я на нее тогда. — Какое твое дело, чего лезешь?!!

— Я не лезла и не лезу, — возразила она. — А просто поставь себя на ее место!

— А она себя на мое — ставила?!!!!

Ну и так далее и тому подобное, поцапались. Катька, видно, вдруг решила проявить пресловутую бабью солидарность, поэтому надрывалась:

— У меня тоже сын! И всякое может быть в жизни!! А вдруг и он не захочет потом меня знать?!! Да я умру от этого!!!

— А вот она не умерла, живехонька!!! — стукнул я кулаком по столу. — Да и вообще, ты на что намекаешь?! Знаешь ли ты, что моя мамаша к любовнику переехала, бросила нас с отцом, предала!!! А отец, между прочим, был семьянин редкий! Муж, хозяин! И меня, неродного, усыновил, вырастил и пристроил!!

— Хорошо! — устало сказала Катька и заплакала. — Я и вправду ничего не знаю. Давай прекратим, а?.. Может, действительно мама твоя неправа, я не в курсе. Жаль ее просто стало...

— Жаль ей, видите ли! — еще бурчал я по инерции и дулся пару дней. Но потом мы помирились.

Самое неприятное в этой ссоре для меня было не то, что Катька пожалела незнакомую ей свекровь, а то, что она допустила и примерила такую ситуацию на себя. Вот это ее «всякое может быть в жизни» — это о чем?!

Мне было более чем неприятно.

Подрастающий сынишка ни о чем таком не спрашивал, лишь однажды сказал только (восемь лет ему было):

— Папа, а в нашем классе у всех детей по двое штук бабушков и дедушков, а у меня только одна пара! Умерли, значит, твои родители, — закончил он глубокомысленно.

И уморительно добавил:

— Ну что ж, на то она и жизнь...

Я от души расхохотался, рассказал жене. Она тоже посмеялась. И с тех пор к милым домашним кличкам, которыми она часто награждала Кирюшу, прибавилась еще одна: «Умник». Это прозвище больше всего сыну нравилось, он даже друзьям хвастался.

...Меня мама тоже называла по-разному. Наверное, так все матери делают? Я у нее был и «Ежик», и «Мурзик», и «Малюнчик». И потом, в одном из тех писем, которые я еще читал (из первых, значит...), она меня тоже несколько раз так назвала.

А я ей приказал в ТОМ единственном своем письме-отповеди: «Отстань и не дави на жалость. Забудь, наконец, и эти словечки, и меня!» Боже мой, в ТОМ письме я даже мамой ее ни разу не назвал. Специально, конечно! Хотел сделать побольнее. Я знал, что она обязательно обратит на это внимание... Знал!!!

Знал — и сделал: взял пригоршню раскаленных углей да и положил на тоскующее, больное ее сердце. Теперь и вспомнить страшно...

...Почему мне тот мужик не набил тогда морду? Ведь надо было. Надо!! В кровь надо было избить. А он только сказал презрительно:

— Ну и дерьмо ты, парень. Она тебя в муках родила, понимаешь, придурок?! В муках. А ты ее грязью поливаешь? Эх ты, недоумок убогий... Полюбила она другого? — так это ж ее сердце в ответе, ты-то с какого боку мать судишь?!

Он встал и отошел от меня, как он чумного. Да еще и сплюнул презрительно:

— Прощай, урод.

— Вали, алкоголик! Учитель обоссанный!! — прошипел я ему в спину.

Подумаешь, ну, сболтнул я ему, что мамашу свою, шлюху, ненавижу. Ну, настроение было паршивое, присел покурить в парке на скамейку. А там — этот дурак торчал, бухал в одиночку. Слово за слово, я и сказал ему про мать, когда он меня ни с того и ни с сего начал учить жизни. Что, мол, меня и мамочка моя учила, да толку... Все равно я ей не поверил, предательнице. И объяснил, как и что.

...Кто знает: если бы он тогда набил мне морду, может, я и понял бы что-нибудь. Или хотя бы не написал ей ТО письмо. Эх!..

Накануне Кирюшкиного десятилетия стала меня помучивать странная мысль: как жаль, что Кирилл не знает мою маму. Растет каким-то прагматичным, слишком современным, что ли... Вот если бы он с бабушкой общался, как было бы для него хорошо!

Странная и глупая идея. Но она лезла мне в голову, не спрашивая разрешения, по сто раз в день.

«В конце концов, — сдался я однажды, — прошло много лет. Она уже за все ответила!»

Что это было?.. Милосердие? Нет. Это был здоровый прагматизм и обыкновенный, махровый эгоизм. Ведь, честно говоря, я подумал, что хорошо бы Кирюшку на каникулах отправлять куда-то в гости. На целое лето, например...

Вот пусть мама и поможет, пусть реабилитирует себя. И нам будет хорошо (сможем с женой вдвоем куда-нибудь съездить, отдохнуть), и Таисия Ивановна разочек освободится (она стала серьезно болеть, а тещь — тот всегда по горло

занят), и Кирюшке — перемена обстановки. Новый город, другие впечатления, интересные знакомства...

А уж в том, что мама позаботится о нем от всей души, — я не сомневался.

Все так, но как к этому приступить?.. Вдруг, как снег на голову, — здравствуй, мама! Глупость и ерунда. И я придумал: а пусть Кирилл сам напишет бабушке письмо! Вроде как от себя: мол, хочет наконец-то познакомиться. И повод очень хороший: у мамы день рождения скоро, как раз после Кирюшкиного. Да и юбилей, между прочим.

В общем, решено!

Ну до чего дети — гибкие натуры! Кирилл даже не удивился. И правильно я рассчитал: он сразу заинтересовался перспективой поездки и знакомства. Самостоятельной поездки! Я пообещал, что бабушка там его встретит, и все. Можно на Новый год, например, отправиться.

И Кирюшка под мою диктовку написал вполне пристойное письмо. А я гордился собой: какой я великодушный, оказывается! Благородный, всепрощающий.

Письмо пошло в качестве заказного, чтоб не потерялось, мало ли. И ровно через две недели пришло извещение, что и для Кирилла на почте есть тоже заказное послание. Мы обрадовались: быстро она ответила! Пошли получать вдвоем.

...Но конверт этот оказался наш, пришедший обратно нераспечатанным... Первая мысль, которая у меня мелькнула, была реакция обиды: смотрите, какая злопамятная! Решила той же монетой со мной рассчитаться, и это через столько лет?! Вот же...

И я перевернул конверт, нисколько не сомневаясь в сопроводительной надписи. Но прочитал другую:

«Письмо не вручено в связи со смертью адресата».

Я сначала вообще не понял, что написано. Письмо не вручено — это понятно. Адресат НЕ СТАЛ получать. Ну да. Не стал — в связи со своей смертью. СО СМЕРТЬЮ!

И тут до меня дошло. Клянусь: такой боли я не испытывал никогда. Я даже в какой-то миг подумал, что это мне вернулось в один прием все сразу: просьбы, слезы, горе и безысходность мамы. Все вернулось и ударило меня прямо в центр того самого сердца, которое уверенно отстукивало все эти годы: «Потом. Потом. Потом...»

... — Мужчина, вам плохо? Воды, воды дайте!!!!

На другой день я собирался в дорогу. Катя ничего не комментировала, только помогала собирать вещи. А у меня в голове было пусто, как в казане, который хранят в старом чулане. Только паутина да мышьиные испражнения на ржавом дне...

И еще — бесконечно вертелось в мозгу, как старая пластинка: «Сорок лет — ума нет... Сорок лет — ни хрена нет...»

Два дня в дороге — и я на месте. Оказывается, я не забыл, как добираться с вокзала, и ни разу не переспросил дорогу. Кроме памяти, меня вело еще что-то... Прибыв, я узнал, что меня искали, но старые соседи давно переехали, а больше никто не знал мой адрес. Нашли бы, конечно, все равно, но гораздо позже; так вот хорошо, что я сам прикатил.

Похоронили маму совсем недавно, то есть Кирюшкино письмо опоздало на два дня... Да это не Кирюшка опоздал, что я себе-то вру??? Не Кирюшка!..

...Ну что ж, опять по кругу? — наследство теперь приехал получать я. И квартира, и в квартире, — это все теперь мое. Бери и владей. Оформляйте, гражданин, все права — ваши.

Мне пришлось подзадержаться. Днем бегал с бумагами, а вечерами бродил по квартире, будто нечаянно провалился во времени и попал в детство. Тут ничего не изменилось...

Мне рассказали, что мама недавно овдовела и последние два года жила одна. Но в квартире я не находил следов пребывания того, другого человека; мне здесь все напоминало только маму. Почему? Не знаю... Мне казалось, что она тут, рядом. Просто в другой комнате или на кухне. Иллюзия была такой сильной, что я пару раз сломя голову действительно бежал на кухню: там явно гремели ложками!.. Нет, конечно. Никого.

...Я нашел в одном из ящиков старого письменного стола ТО мое письмо. Я не смог его прочитать, не смог! Я его тут же сжег. Именно сжег, а не порвал. Может, огонь испепелит наконец этот ужас, который она хранила столько лет. ЗАЧЕМ хранила??? А потому что от сына. Пусть даже такое...

Я перелистал ее общие тетради: записи, цитаты, конспекты уроков... И вдруг — наткнулся на дневник. Точнее, это был не совсем дневник; это оказались письма ко мне, датированные разными числами. Никогда не планируемые к отправке... Письма-разговоры со мной, глухим. Некоторые — совсем крошечные, две строчки: «14 августа. Сегодня ты мне снился, сынок, в плохом сне. Уж не заболел ли ты, не дай Бог? Что-то мне тревожно...»

Иные — огромные, по двадцать страниц. Я догадался, что эти — писались ночами, в полной тишине... Я не в силах был бы объяснить, о чем они. В общем-то, ни о чем. Просто мысли. Но в конце каждого — «лишь бы ты был здоров и благополучен, деточка моя...»

...Что я могу еще сказать? Да и надо ли?.. Я не продал мамину квартиру. Поручил соседям присматривать, даю им деньги за это регулярно. Оплачиваю и коммунальные счета, но сдавать квартирантам не соглашаюсь, хотя постоянно есть желающие.

Я приезжаю сюда раз в год на день рождения мамы, живу несколько дней. И думаю, думаю, думаю... Я ничего здесь не менял и менять не буду, а после меня — уж как сложится, так тому и быть. Надеюсь, что в этой квартире захочет жить Кирилл, когда женится.

Ему уже двадцать. Глядишь — и скажет: «Есть невеста!» Сейчас у молодых с этим быстро.

А пока этого нет — я приезжаю, иду на могилу к маме. Потом читаю ее записи. И мне кажется, что она видит это и радуется. Прости меня, мама!!! Прости! Да что говорить: я ведь знаю, что ты давно простила.

Это я сам себя никогда простить не смогу.

